

Сергей Никитин о себе

Отец

Папа (Яков Григорьевич) с мамой (Верой Сергеевной) в молодости

Первый инфаркт отца случился в 1948 году, когда мне было 4 года. Наверное, с тех пор я его и помню. Мне внушили, что его покой надо оберегать. Тогда инфаркт лечили так, что 40 дней больной должен был лежать на спине почти без движений. А потом жить, исключая любые физические нагрузки и даже резкие движения. Папа умер от третьего инфаркта в 1956 году, когда мне было 12 лет. Я тогда лежал в больнице с желтухой. Из обрывков шепота нянечек и потому, как со мной ласково обращались медсестры и мой зять (муж старшей сестры) Граня, я понял, что что-то случилось. Я догадался, но сам себе не формулировал, что что-то случилось с отцом. А когда я пришел домой и только Граня начал говорить: «Сережа, я должен сообщить тебе печальную новость...», я его перебил и сказал – «а я уже знаю...».

Папа успел показать мне несколько приемов игры на балалайке и на гитаре. На обычной семиструнной гитаре с мажорным строем он мне показал два вальса. Они похожи между собой – один в миноре, а другой в мажоре «Гибель Титаника» и «Вальс сумасшедшего». По моему, вальс «Сумасшедшего» фигурирует в одной из пьес Чехова, то есть эта пьеса была известна еще в 19 веке.

Помню, когда мне разбили кирпичем голову, перед тем как поехать в травмпункт, мама меня привела к отцу и как бы предъявила ему: «Вот отец, посмотри – глаз цел, вот рана, и мы едем к врачу».

Помню, как однажды я рисовал открытку к 8 марта, чтобы подарить маме. Отец посмотрел и увидел, что я делаю это как-то небрежно, кое-как, хотя он знал, что я умею хорошо рисовать и мог бы получше все сделать. Отец ужасно рассердился. Ужасно! Это я запомнил на всю жизнь.

Помню его почерк. Отец без отрыва от военной службы поступил на юридический факультет, он ведь сам был из деревни, учеба ему давалась

с большим трудом. Я помню его конспекты записанные филигранным каллиграфическим почерком. И этот почерк выдавал человека сосредоточенного и целеустремленного. Отец учился на юриста 8–9 лет, пока все-таки не одолел полного курса. Когда он принес диплом домой, он сказал маме, что это их общий диплом, их общее достижение.

Когда отца не стало, нам с Милочкой и маме за него как за военного, была назначена небольшая пенсия. И вот мы на это жили. Когда я начал работать в школе токарем и мне платили аж 26–30–35 рублей в месяц, это было существенным подспорьем для бюджета. Может, это материальное соображение тоже повлияло на мой переход в 11-летку.